

Научная статья

УДК 911. 3:32

doi: 10.17072/2079-7877-2023-2-36-48

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ ГОСУДАРСТВА И ОЦЕНКА ЕЕ РИСКОВ (НА ПРИМЕРЕ ЭКВАДОРА)

Владислав Сергеевич Скачков^{1✉}, Дмитрий Викторович Заяц²^{1,2}Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия²Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия¹cccp271994@mail.ru✉²ethngeo@mail.ru, Scopus Author ID: 57199504688, ResearcherID: D-2248-2019, IstinaresearcherID (IRID): 9772759

Аннотация. Статья посвящена исследованию процессов пространственной дезинтеграции, под которой понимается ослабление, нарушение и разрушение системообразующих связей между регионами государства, а также определению возможности наступления неблагоприятных последствий (рисков) из-за воздействия данных процессов. Авторская методика оценки рисков пространственной дезинтеграции выделяет семь факторов: исторический, социально-экономический, внутривнутриполитический, этнокультурный, транспортный, военно-стратегический, внешнеполитический. Она использует параметры, позволяющие зафиксировать действие каждого из факторов. Разработанная методика предполагает измерение рисков на двух уровнях. Риск дезинтеграции для всего государства рассчитывается как сумма весов рисков по отдельным факторам. Вес риска фактора определяется долей населения страны, проживающего в административно-территориальных единицах, испытывающих дезинтеграцию по данному фактору. Риск пространственной дезинтеграции части страны (единицы административно-территориального деления) определяется числом факторов, по которым данный регион имеет высокие риски пространственной дезинтеграции. Объект исследования – Эквадор. Эта страна сочетается в своем устройстве и социально-политическом положении специфические черты латиноамериканского государства (резкие территориальные контрасты уровня жизни, внутривнутриполитическая турбулентность, сложные взаимоотношения с индейскими этносами, экстрактивистская модель развития, технологическая зависимость от развитых стран, высокий уровень социального расслоения, значительная преступность и др.), но при этом обладает рядом уникальных черт по сравнению со странами-соседями. К таковым можно отнести наличие пространственно удаленного региона (острова Галапагос), компактность континентальной территории, разнообразие ландшафтов, бицентричную модель регионального развития с ядрами в виде столицы Кито и альтернативной столицы и крупнейшего морского порта Гуаякиль. В результате проведения расчетов было определено, что Эквадор обладает более низкими рисками пространственной дезинтеграции по сравнению с другими ранее рассмотренными странами Латинской Америки – Чили, Боливией, Венесуэлой, Мексикой. Выявлено, что наибольшие риски пространственной дезинтеграции среди территориальных единиц Эквадора характерны для провинций Морона-Сантьяго и Пастаса, расположенных на востоке страны.

Ключевые слова: пространственная дезинтеграция, методика оценки, региональное развитие, территориальные диспропорции, Латинская Америка, факторы пространственной дезинтеграции

Для цитирования: Скачков В.С., Заяц Д.В. Пространственная дезинтеграция государства и оценка ее рисков (на примере Эквадора) // Географический вестник = Geographical bulletin. 2023. № 2(65). С. 36–48. doi: 10.17072/2079-7877-2023-2-36-48.

Original article

doi: 10.17072/2079-7877-2023-2-36-48

SPATIAL DISINTEGRATION OF THE STATE AND EVALUATION OF ITS RISKS (A CASE STUDY OF ECUADOR)

Vladislav S. Skachkov^{1✉}, Dmitriy V. Zayats²^{1,2}Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia²Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia¹cccp271994@mail.ru✉²ethngeo@mail.ru, Scopus Author ID: 57199504688, ResearcherID: D-2248-2019, IstinaresearcherID (IRID): 9772759

Abstract. The article studies the processes of spatial disintegration, understood as the weakening, disruption and destruction of system-forming ties between the regions of the state, and determines the possibility of adverse consequences (risks) due to the impact of these processes. The authors' methodology for assessing the risks of spatial disintegration involves seven factors: historical, socio-economic, domestic-political, ethno-cultural, transport, military-strategic, and foreign policy. The methodology uses parameters that make it possible to establish the effect of each of the factors. The risks of spatial disintegration are measured at two levels. The risk of disintegration for the whole state is calculated as the sum of the risk weights for individual factors. The weight of the risk factor is determined by the proportion of the country's population living in administrative-territorial units experiencing disintegration under this factor. The risk of spatial disintegration of a part of a country (a unit of administrative-territorial division) is determined by the number of factors under which this region has high risks of spatial disintegration. The object of the study is

Экономическая, социальная и политическая география
Скачков В.С., Заяц Д.В.

Ecuador. The structure and socio-political situation in this country demonstrate a combination of features characteristic of a Latin American state (sharp territorial contrasts in living standards, internal political turbulence, complex relationships with Indian ethnic groups, an extractivist model of development, technological dependence on developed countries, a high level of social stratification, significant crime rates, etc.). At the same time, Ecuador has a number of unique features compared with neighboring countries. These include the presence of a spatially remote region (Galapagos Islands), the compactness of the continental territory, a variety of landscapes, a bicentric model of regional development with the largest nodes in the capital city of Quito and the city of Guayaquil, an alternative capital and the largest seaport. The calculations showed that Ecuador has lower risks of spatial disintegration compared to other Latin American countries previously considered in other publications (Chile, Bolivia, Venezuela, Mexico). Among the territorial units of the country, the greatest risks of spatial disintegration are demonstrated by the provinces of Morona-Santiago and Pastasa, located in the east of Ecuador.

Keywords: spatial disintegration, assessment methodology, regional development, territorial disproportions, Latin America, spatial disintegration factors

For citation: Skachkov V.S., Zayats D.V. (2023). Spatial disintegration of the state and evaluation of its risks (a case study of Ecuador). *Geographical Bulletin*. No. 2(65). Pp. 36–48. doi: 10.17072/2079-7877-2023-2-36-48.

Введение

В качестве объекта исследования рисков пространственной дезинтеграции выбран Эквадор. С одной стороны, это государство имеет хрестоматийную для Латинской Америки историю развития и груз проблем в виде малой сложности экономики, значительной концентрации населения и капитала в немногочисленных узловых центрах, наличия «политического маятника» (смещение баланса власти попеременно в сторону левой и правой частей политического спектра) и др. С другой стороны, для этой страны характерны некоторые отличительные от других латиноамериканских стран черты: использование доллара США в качестве валюты, наличие удаленной административно-территориальной единицы (АТЕ) первого порядка (Галапагос) в Тихом океане, при относительной компактности территории – наличие сильно различающихся природных ландшафтов, а также нетипичная для латиноамериканских государств двухъядерная территориально-политическая структура. В подобных условиях возникает спрос на определение вероятности ослабления связей между различными частями государства.

Формирование новой национальной идентичности – стратегия, предпринятая руководством Эквадора в годы правления президента Р. Корреа (2007–2017). Подобная мобилизация была особенно актуальна ввиду бедности населения, острой политической борьбы, проблем коренных народов, а также конкуренции со стороны региональных элит (прежде всего, из провинции Гуаяс), которые видели угрозу собственным интересам со стороны центральных властей. Во многом это касается принятой в 2008 г. конституции, провозглашающей курс на построение «социализма XXI века», в ней выгодополучателями становятся беднейшие слои населения, а также усиливаются позиции центрального правительства.

Развитие Эквадора происходило территориально неравномерно, основными полюсами роста были две крупные городские агломерации – Кито и Гуаякиль. Гуаякиль – самый развитый город страны, экономическая «столица» Эквадора пытался противостоять тенденциям централизации посредством требования автономии и расширения своих полномочий. Расположенные на берегу Тихого океана Гуаякиль и окружающая его провинция Гуаяс сильнее вовлечены в глобальные мирохозяйственные связи и в меньшей степени заинтересованы в консолидации эквадорского общества вокруг Кито.

Анализируя опыт взаимодействия официальной и альтернативной столиц в других странах региона, можно сделать вывод о том, что зачастую альтернативная столица воспринимается как драйвер пространственной дезинтеграции. Актуальными примерами этого тренда можно считать венесуэльский Маракайбо (соперник столичного Каракаса) и боливийский Санта-Крус-де-ла-Сьерра (противостоит Ла-Пасу).

Исходя из имеющихся данных, а также еще не оцененных последствий пандемии и глобального логистического кризиса, в эквадорской экономике велика вероятность актуализации рецессии. Более того, если центроостремительные тенденции в Эквадоре

Экономическая, социальная и политическая география
Скачков В.С., Заяц Д.В.

подпитывались благоприятной геоэкономической конъюнктурой, то в сложившихся условиях есть основания ожидать укрепления противоположных центробежных сил, возглавить которые может Гуаякиль.

Целью исследования является оценка рисков пространственной дезинтеграции Эквадора, как классической латиноамериканской страны, а также выявление регионов, имеющих наибольшие подобные риски.

Методика исследования базируется на комплексной оценке рисков пространственной дезинтеграции, вызываемых группой факторов, которые тесно взаимосвязаны между собой. Это исторический, социально-экономический, внутривластный, этнокультурный, транспортный, военно-стратегический и внешнеполитический факторы.

Таблица 1

Параметризация факторов пространственной дезинтеграции для стран Латинской Америки
Parameterization of spatial disintegration factors for Latin American countries

<i>Фактор</i>	<i>Проявление фактора</i>	<i>Параметры, позволяющие оценить действие фактора</i>
Исторический	Опыт сепарации или автономного существования региона в прошлом	Число лет автономии и фактической независимости региона
Социально-экономический	Неравномерность развития человеческого потенциала в АТЕ	Верхний и нижний квартили по значениям ИЧР среди АТЕ 1-го порядка страны
Внутривластный	Различие в электоральных предпочтениях населения региона на общегосударственных выборах по сравнению со средними значениями в государстве	Отклонение в доле голосов за победившего кандидата (партию) от среднего значения по стране. Число избирательных кампаний, в которых победила оппозиция
Этнокультурный	Отличие этнорасовой композиции региона от всего государства	Отклонение в доле основных этнорасовых групп в регионе от их средней доли в стране
Транспортный	Затруднение устойчивого всепогодного сообщения с другими регионами страны	Число сухопутных транспортных связей (автомобильных и железных дорог, трубопроводов) с соседними регионами той же страны
Военно-стратегический	Присутствие военного контингента и военной инфраструктуры в пределах региона	Балльная оценка сформированности военной инфраструктуры в регионе
Внешиполитический	Влияние на население и политическую повестку региона зарубежных акторов	Балльная оценка величины внешнего влияния 3 балла присваивается АТЕ с наибольшим значением плотности пограничных переходов (ПП), 2 балла – АТЕ, занимающим 2–3-е места по этому показателю, 1 балл – остальным, имеющим ПП; ПЛЮС 3 балла – АТЕ с самыми высокими значениями прямых иностранных инвестиций (ПИИ), 2 балла – регионам, где объемы ПИИ выше среднего по стране, 0,5 балла – АТЕ-аутсайдеру; ПЛЮС 3 балла за наличие военных баз зарубежных стран. При наличии официальных территориальных притязаний на АТЕ со стороны соседней страны получившаяся сумма баллов удваивается

Данная методика позволяет оценить гомогенность политического пространства государства, и при наличии данных сравнивать с подобными показателями других стран. Используемый инструмент может выявить наиболее имплантные регионы, которые выглядят инородными в составе государства и потенциально могут выступать генераторами дезинтеграционных процессов.

Под регионом в исследовании подразумевается комплекс элементов геосистемы, включающий в себя природные и антропогенные ландшафты; а также население, проживающее и ведущее хозяйство в пределах данных ландшафтов. Таксономически ранг «регион» в рамках исследования приравнивается к административно-территориальной единице 1-го порядка и является подсистемой пространства государства. Влияние каждого отдельного фактора дезинтеграции и его вес будут определяться тем, насколько значительную долю населения он затрагивает в своем пространственном распределении. Чем большая часть населения напрямую затрагивает своей деятельностью тот или иной фактор пространственной дезинтеграции, тем он объективно важнее и для общества, и для государства.

Исходя из этого формула расчета потенциальных рисков дезинтеграции для страны будет иметь следующий вид:

$$F = \frac{n}{N},$$

где F – вес отдельного фактора, n – суммарная численность населения, проживающего в единицах АДД, подверженных риску пространственной дезинтеграции по данному фактору; N – общая численность населения в государстве.

Далее определяем общий риск пространственной дезинтеграции страны:

$$\Sigma = F_{И} + F_{СЭ} + F_{внутр.} + F_{Э} + F_{Т} + F_{ВС} + F_{внеш.}$$

где Σ – итоговый показатель риска пространственной дезинтеграции страны; $F_{И}$ – вес исторического фактора; $F_{СЭ}$ – вес социально-экономического фактора; $F_{внутр.}$ – вес внутриполитического фактора; $F_{Э}$ – вес этнокультурного фактора, $F_{Т}$ – вес транспортного фактора; $F_{ВС}$ – вес военно-стратегического фактора; $F_{внеш.}$ – вес внешнеполитического фактора.

Предлагаемая методика позволяет оценить риск пространственной дезинтеграции и для отдельных административных единиц. Для этого подсчитывается число факторов с высокими рисками пространственной дезинтеграции в границах данной единицы АДД. Иная система подсчета рисков исходит из разной природы проявления последствий дезинтеграции на страновом и внутристрановом уровнях. При оценке рисков дезинтеграции для всей страны определяется опасность утраты целостности, распада единой пространственной системы; для региона – наличие и глубина дезинтеграционного разлома между ним и соседними территориями единой страны.

Важно отметить, что внутригосударственная дезинтеграция не тождествена сепаратизму или сепаратизму. Опираясь на глубоко проработанный Ф.А. Поповым терминологический аппарат, раскрывающий нюансы употребления терминов, характеризующих дробление политического пространства государства, сепессию можно обозначить как один из вариантов крайней формы проявления пространственной дезинтеграции [8; 9]. Однако следует принять во внимание, что пространственная дезинтеграция обладает определенным «полиморфизмом» в плане проявлений. К ним можно отнести: усиление контрастов в уровне жизни между регионами страны, появление электоральных разломов и расколов политических элит (по линиям «регион–регион» или «столица–периферия»); концентрация отдельной расовой, этнической или культурной группы в конкретном ареале и «вымывание» представителей иных этнокультурных общностей, деструкция транспортных сетей, наконец, размещение военного контингента зарубежных стран и большая зависимость приграничных территорий от государства-соседа, чем от соседних регионов своей страны.

Несмотря на отличия в интерпретациях факторов, можно заметить, что почти все исследователи уделяют внимание аспектам социально-экономического развития территории, вопросам этнического или конфессионального (либо этноконфессионального) характера, а также сугубо географическим факторам, например, пространственной изолированности. В работах исследователей часто встречается фактор влияния извне, именуемый обычно внешнеполитическим или геополитическим, рассматриваются исторические предпосылки развития центробежных тенденций.

Важно сразу в смысловом плане отделить факторы дезинтеграции от факторов сепаратизма. В своих исследованиях Р. Паддисон, А. Авраменко, Д. Заяц учитывают негеографические факторы развития центробежных тенденций. Таковыми можно считать общественную мобилизацию (у Зайца), число обособленных социальных групп (у Паддисона), наличие политической элиты, готовой взять ответственность за руководство регионом в случае удачного акта сепессии (в той или иной формулировке встречается у Зайца и Авраменко) и т.д. [1; 4; 27].

Все рассмотренные классификации факторов включают важные признаки сепаратизма, но они останутся лишь латентными и потенциальными при отсутствии факторов, воплощённых в пространстве – этноконфессиональной неоднородности, территориальных диспропорций социально-экономического развития, исторических особенностей складывания государственной территории. Отсюда следует важное положение о том, что дезинтеграция развивается как объективный процесс, в относительной независимости от общественного сознания, в то время как сецессионизм – это целенаправленная деятельность определенных политических групп, реализующих потенциал существующих рисков дезинтеграции.

Близкими к исследованию дезинтеграционных процессов на субнациональном уровне являются теоретические работы, посвященные вопросам регионализации и регионализма. Наиболее значительными можно считать труды Р.Ф. Туровского, О.В. Грицай, Г.В. Иоффе, А.И. Трейвиша, Ю.Н. Гладкого и А.И. Чистобаева [2; 3; 14].

Отдельного внимания заслуживает модель иерархии регионалистских движений, разработанная отечественным политико-географом В.А. Колосовым. Согласно ей, регионализм и сепаратизм укладываются в рамки единого континуального тренда, различия между ними заключаются лишь в интенсивности проявления центробежных процессов. Автор модели указывает на то, что регионализм – низшая стадия развития сепаратистских настроений общества, выражающихся в подтверждении этнокультурной самобытности населения района, а сепаратизм – это уже требование независимости данного района от материнского государства. Именно единством природы регионализации и сецессионизма, как различных этапов дезинтеграции, объясняется частое совпадение факторов, способствующих появлению и развитию данных процессов [5].

Регионализм, сецессионизм и другие центробежные процессы сближает их общая логическая связь с такими свойствами государства, как суверенитет и способность контролировать территорию. Пока существует так называемое «право наций на самоопределение» дезинтеграция будет возникать как де юре, так и де факто.

К.В. Плешаков геополитическим (или силовым) полем государства называет пространство, контролируемое государством. Динамичный характер этого поля, его неоднородность, дискретность, столкновение с геополитическими полями других государств отражаются на его усилении/ослаблении. Предполагается, что именно динамика геополитического поля государства оказывает решающее воздействие на запуск механизма дезинтеграции и его исход [6; 7].

В рамках исследования риск пространственной дезинтеграции понимается как измеримая возможность наступления негативных последствий при ослаблении и разрушении системообразующих связей между регионами государства. В то же время важно уточнить отличие понятия «риска пространственной дезинтеграции» от понятия «риска» в принципе. Прежде всего риски пространственной дезинтеграции не предполагают чистую математическую вероятность свершения событий, а носят компаративистский характер. Расчеты рисков пространственной дезинтеграции позволяют утверждать, что опасность и вероятность нарушения связей в одном государстве выше, чем в другом.

Среди работ, раскрывающих некоторые аспекты проявления центробежных тенденций вследствие неоднородности политического пространства латиноамериканских государств, следует отметить статью А.В. Харламенко [14], в которой автор проводит параллели между политикой президентов Боливии и Эквадора – Э. Моралеса и Р. Корреа. Их левонациональный популизм привел к росту настроений, симпатизирующих автономии и сецессии. В Боливии центром автономизма был признан департамент Санта-Крус, в Эквадоре – провинция Гуаяс. Статья А.Н. Пятакова и А.Л. Чернышева рассматривает механизм возникновения рисков турбулентности в администрации Эквадора и связывает их с экономической и культурной политикой [11].

Интерес к региональной идентичности и предпосылкам автономии отдельных частей Эквадора проявляют и зарубежные специалисты. Гуаякиль, как альтернативный фокус развития государства, подробно разбирается в книге У. Паредеса [28] и диссертации Ф. Торал [35].

Как альтернативный экономический и политический центр страны Гуаякиль фигурирует в компаративистской статье Е. Валенсуэла-Ван Трик и К. Вака, которая анализирует возможности усиления региональных элит за счет экономического подъема прилегающих территорий. Авторы приходят к выводу, что в политической борьбе Санта-Крус-де-ла-Сьерра и Гуаякиль успешно сопротивляются центральным правительствам своих стран в отличие от Консепсьона в Чили, который в историческом разрезе проиграл гонку Сантьяго [36].

Латиноамериканские исследователи термину «дезинтеграция» предпочитают понятие «децентрализация» (*descentralización*), т.е. потенциальное ослабление контроля со стороны столицы для форсированного регионального развития. Поскольку с экономической децентрализацией сопряжена политическая (что создает определенные риски для центральной власти), то данные процессы обычно рассматривают совместно. Для Латинской Америки примерами подобных работ можно считать статьи Ф. Альбукерке Лоренса, Г. Ахонга, П. Кортес, Т. Фаллети, Э. Симисон [16; 22; 34].

Исследование

Прежде чем перейти к анализу влияния отдельных факторов на риски пространственной дезинтеграции Эквадора, следует обратить внимание на Индекс несостоятельности государств (*Fragile State Index*), ежегодно рассчитываемый *Fund for Peace* и журналом «*Foreign Policy*». Этот индекс оценивает способность руководства страны к управлению ее суверенной территорией. С 2006 по 2021 год Эквадор снизил значения индекса на 10 пунктов – с 81,2 до 71,2 и соседствует по рейтингу в Латиноамериканском регионе с Сальвадором, Мексикой и Перу [23]. В упомянутом отчете страны с такими значениями индекса (71–80 п.) именуются «государствами с повышенными рисками несостоятельности». Некоторые успехи центрального правительства Эквадора в деле увеличения «состоятельности» можно связать с курсом двух «левых» президентов – Рафаэля Корреа и Ленина Морено, которые проводили крупные социальные реформы, вызвавшие при этом неоднозначную реакцию различных слоев эквадорского общества.

Рассматривая *исторический фактор* пространственной дезинтеграции в Эквадоре, следует отметить слабое проявление попыток отделения какого-либо региона. Характер сецессии носило Гуаякильское восстание 1827 г. Однако его роль для современной потенциальной дезинтеграции неоднозначна: бунт, охвативший побережье почти всего современного Эквадора, был направлен против администрации Великой Колумбии, располагавшейся в Боготе (Эквадор получил независимость в 1830 г.).

В 1845 году в Гуаякиле набирает силу новое оппозиционное движение, которому удалось совершить государственный переворот в столице страны Кито – «Мартовскую революцию». Гуаякиль как очаг нестабильности «отметился» еще и в 1911–1912 гг., когда местные военачальники подняли мятеж против центральной власти, и в мае 1944 г., когда еще одно восстание привело к установлению диктатуры Ибарры.

Другими примерами исторического опыта дезинтеграции можно считать индейские восстания в 1871 г. в провинциях Чимборасо и Асуай, а также в 1884 г. в Чимборасо. В 1906 г. вновь поднимается восстание в Чимборасо, но в качестве движущей силы в нем выступают уже не индейцы, а военные.

В 1913 году восстало чернокожее население прибрежной провинции Эсмеральдас. Еще один военный мятеж произошел в 1956 г. в провинции Манаби [20].

Наконец, одной из самых серьезных политических акций в истории постколониального

Экономическая, социальная и политическая география
Скачков В.С., Заяц Д.В.

Эквадора стали выступления индейцев, охватившие значительную часть территории страны. В 1990 году в провинциях Котопахи, Тунгурауа, Боливар, Чимборасо, Имбабура и Пичинча индейцы оказали давление на центральное правительство, кардинально сменившее вектор развития государства. Если ранее Эквадор считался монокультурной страной (провозглашались одна религия, один язык), то после выступлений 4 июня 1990 г. игнорировать многонациональность и поликультурность эквадорского сообщества стало проблематично. В сегодняшнем Эквадоре индейцы являются серьезной политической силой, они представлены в парламенте страны: партия Пачакутик получила 24 места из 137 на выборах 2021 г. [15; 26; 32].

Анализ *социально-экономического фактора* пространственной дезинтеграции показывает, что для Эквадора характерны сильные территориальные диспропорции благополучия населения. При среднем уровне индекса человеческого развития (ИЧР) в 0,758 наибольшим показателем обладает провинция Пичинча, где располагается столица Кито (0,827), а наименьшим – Самора-Чинчипе (0,695). Медианное значение ИЧР в АТЕ с уровнем развития выше среднестранового («верхняя» медиана) составляет 0,792, и это значение преодолевают провинции Пичинча, Асуай и Галапагос. «Нижняя» медиана – 0,727, которая определяет в качестве наиболее отстающих регионов провинции Котопахи, Пастаса, Эсмеральдас, Сукумбиос, Санта-Элена, Боливар, Лос-Риос, Чимборасо, Орельяна, Морона-Сантьяго и Самора-Чинчипе [31].

Социальное пространство государства испытывает существенное сжатие, что характеризуется высокой концентрацией населения в «пристоличных» провинциях Гуаяс (с центром в Гуаякиле) и Пичинча (с центром в Кито). На них приходится свыше 40% жителей страны – 7,6 млн человек [21]. Исходя из этого в Эквадоре складываются отношения по направлению «динамично развивающийся центр – депопулирующая/стагнирующая периферия». Этот вывод можно сделать, сравнивая данные по ИЧР за 2001 и 2017 гг.

Тезис о сжатии социального пространства актуален и в разрезе *внутриполитического фактора*. Победа в подавляющем большинстве провинций на президентских выборах не гарантирует общей победы ввиду слишком сильных контрастов размещения населения. Как правило, самые населенные провинции Гуаяс и Пичинча определяют политический климат и повестку в Эквадоре. События 2021 г. – еще одно подтверждение этому: действующий президент Гильерме Лассо тогда победил в первом туре лишь в двух указанных провинциях, однако набрал почти 20% голосов и вышел во второй тур кампании. Оставшись единственным кандидатом на правом фланге политического спектра, он получил во втором туре 52,4% голосов, завершив 12-летнюю эпоху правления левых [19].

Население провинции Гуаяс склонно поддерживать кандидатов правого толка, в то время как в провинции Пичинча доминирует левый электорат. Возможно, существование такого противовеса сглаживает контрасты центра и периферии в стране. Анализируя результаты последних нескольких избирательных кампаний, можно выделить следующие электорально девиантные провинции Эквадора: Морона-Сантьяго, Напо, Пастаса, Орельяна, Тунгурауа и Самора-Чинчипе (табл. 2).

По *этнокультурному фактору* Эквадор отчетливо зонирован на три субрегиона: Коста (побережье Тихого океана), Сьерра (горный центр) и Орьенте (восток страны, расположенный преимущественно в экваториальных лесах Амазонии). В последнем субрегионе в наибольшей степени сконцентрировано коренное население: его доля здесь составляет от 30 до 60% (рис. 1) [33].

Как и для других стран Латинской Америки, Эквадору присуща корреляция расово-этнической структуры населения с электоральным поведением и уровнем экономического развития. Регионы с высокой долей индейцев существенно отстают по показателям ИЧР и голосуют преимущественно за оппозиционных кандидатов (табл. 2).

Экономическая, социальная и политическая география

Скачков В.С., Заяц Д.В.

Таблица 2

Девиантные регионы Эквадора с позиций электорального поведения, потенциально подверженные риску внутривнутриполитической дезинтеграции (2006–2021 гг.) (составлено авторами по данным Consejo Nacional Electoral)
Electorally deviant regions of Ecuador potentially being at risk of internal political disintegration (2006–2021)
(compiled by the authors from Consejo Nacional Electoral data)

Регионы	2006				2009				2013				2017				2021			
	Итоги выборов		δ	Откл.	Итоги выборов		δ	Откл.	Итоги выборов		δ	Откл.	Итоги выборов		δ	Откл.	Итоги выборов		δ	Откл.
	О	PAIS			О	PAIS			О	PAIS			О	PAIS			О	RC		
Эквадор	27	23	4	–	28	52	–24	–	23	57	–34	–	28	33	–12	–	19	33	–14	–
Морона-Сантьяго	50	16	34	30	56	34	22	46	27	33	–6	28	52	30	22	34	52	16	36	50
Напо	75	19	56	52	71	22	49	73	49	25	24	58	56	25	31	19	44	14	30	44
Орельяна	61	11	50	46	64	26	38	62	29	39	–10	24	38	36	2	14	34	26	8	22
Пастаса	41	23	18	14	56	32	24	48	31	37	–6	28	48	26	22	36	41	14	27	41
Тунгурауа	26	24	2	2	46	38	8	32	26	47	–21	13	38	29	9	21	32	12	20	34
Самора-Чинчипе	33	21	12	8	42	47	–5	19	32	34	–2	32	47	30	17	29	40	17	23	37

Примечания:

О – оппозиционные движения, кандидаты от которых занимали 2-е место на выборах.

PAIS – Patria Altiva y Soberana, «Гордая и суверенная Родина», движение Р. Корреа (2006–2021).

RC – Movimiento Revolucionario Ciudadana Social, движение, основанное Р. Корреа, на выборах 2021 г. продвигавшее А. Арауса.

Notes:

O – opposition movements whose candidates were ranked 2nd in the election.

PAIS – Patria Altiva y Soberana (Proud and Sovereign Homeland), a movement of R. Correa (2006-2021).

RC – Movimiento Revolucionario Ciudadana Social, a movement founded by R. Correa, which promoted A. Arauz in the 2021 elections.

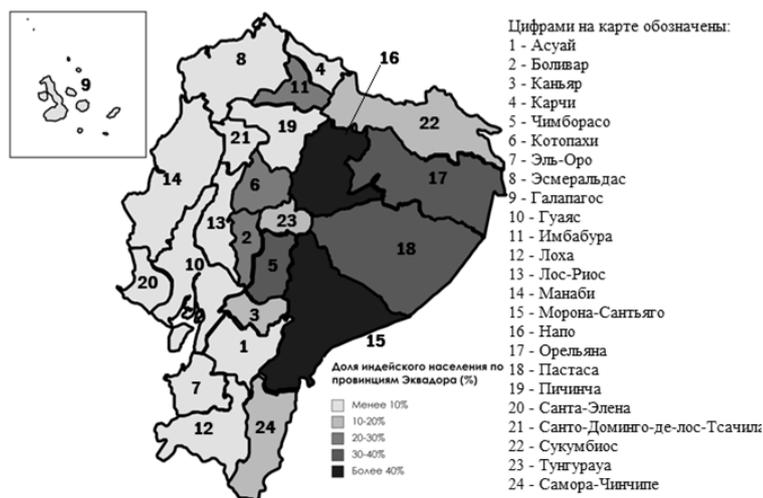

Рис. 1. Доля индейского населения по провинциям Эквадора (составлено авторами по данным INEC)

Fig. 1. Proportion of Indian population by provinces of Ecuador (compiled by the authors from the INEC data)

По данным последней состоявшейся переписи 2010 г. к индейцам относят себя 7% граждан Эквадора. Отдельно стоит упомянуть провинцию Эсмеральдас, которая выделяется концентрацией чернокожего населения. Афроэкваторцы составляют 43% населения этой провинции.

Учитывая относительно компактные размеры Эквадора (283 тыс. км²), в стране отмечается высокий уровень транспортной связности между регионами, притом на западе и в центральной части он выше, чем на востоке. Сильнее всех интегрированы в транспортном отношении провинции Гуаяс (сухопутная транспортная связь с 8 соседними провинциями), Пичинча и Асуай (по 6). Единственной единицей АТД, подверженной высокому риску транспортной дезинтеграции, являются Галапагосские острова, находящиеся на значительном удалении от континента. Трубопроводная сеть ориентирована на столицу Кито.

Военно-стратегический фактор в Эквадоре взаимосвязан с социально-экономическим и историческим. Штабы сухопутных войск базируются в Кито (Пичинча), Гуаякиле (Гуаяс), Куэнке (Асуай) и Эль-Кокке (Орельяна). Три из четырех указанных регионов обладают относительно высоким уровнем социально-экономического развития, а также тесно интегрированы в транспортную систему страны. Особняком стоит слабозаселенная провинция Орельяна на востоке. Размещенная в Эль-Кокке ставка обеспечивает военное присутствие в отдаленном субрегионе Орьенте.

Базы ВВС расположены в Гуаякиле, а также в Салинас (Санта-Элена), Латакунга (Котопахи), Манта (Манаби) [24]. Размещение большинства военных баз на западе страны

не в последнюю очередь продиктовано природными условиями: их создание в Андах или амазонской сельве гораздо дороже. Кроме того, в густых лесах авиация теряет свою эффективность. Военно-морские базы расположены в каждой из прибрежных провинций [25].

Зону с ослабленным силовым контролем составляют провинции, расположенные в регионе Орьенте: они слабо освоены, редко заселены и недостаточно связаны с остальными регионами.

Наконец, *внешнеполитический фактор* пространственной дезинтеграции в случае Эквадора занимает особое место. Несмотря на то, что к сухопутным рубежам страны выходят 9 провинций, пограничные переходы имеются лишь в 4 из них (по два на границах с Колумбией и Перу). Плотность пограничных переходов составляет 1,11 на 100 км в Эль-Оро (3 балла), 0,51 в Карчи (2 балла), 0,28 в Лоха и 0,15 в Сукумбиос (по 1 баллу) [17]. Информации о пограничных переходах в провинциях Эсмеральдас, Орельяна, Пастаса, Самора-Чинчипе и Морона-Сантьяго (по 0,5 балла) не найдено.

По валовому показателю прямых иностранных инвестиций (ПИИ) ожидаемо лидируют регионы-тяжеловесы – Пичинча и Гуаяс. За 2013–2017 гг. в экономику страны было инвестировано 3,75 млрд долл., из них 1,74 млрд пришлось на столичную провинцию (539 долл. на чел., 1 балл), а 1,4 – на Гуаяс (318 долл. на чел., 1 балл). Рекордсменом по накопленным инвестициям в расчете на 1 человека является провинция Самора-Чинчипе с показателем 2558 долл. (3 балла). Замыкает группу лидеров Асуай (213 долл. на чел.). Остальные регионы не пользуются интересом иностранных инвесторов [18].

Еще совсем недавно у Эквадора и Перу были взаимные территориальные претензии в районе реки Самора (провинция Самора-Чинчипе), которые были разрешены лишь в конце прошлого столетия после скоротечной локальной войны Альто-Сенепа. На сегодняшний день официально выдвигаемых в адрес Эквадора территориальных претензий нет.

Кроме того, на территории Эквадора присутствовал иностранный военный контингент. Речь идет об использовании аэропорта Элой-Альфарио (Манта, пров. Манаби) Южным командованием ВВС США. После прихода к власти Рафаэля Корреа в 2009 г. соглашение об использовании базы не было продлено и американской авиации пришлось перебазироваться [29]. Зарубежные ВВС пользуются правом использовать лишь аэродром Сан-Кристоваль на Галапагосских островах [10].

Таблица 3

Сумма баллов по внешнеполитическому фактору
Total points for the foreign policy factor

Провинции	Сумма баллов
Самора-Чинчипе	3,5
Эль-Оро	3
Карчи, Галапагос	2
Лоха, Сукумбиос, Гуаяс, Пичинча, Асуай	1
Эсмеральдас, Орельяна, Пастаса, Морона-Сантьяго	0,5

Результаты исследования

На заключительном этапе были выделены группы провинций Эквадора, имеющие наибольшие риски по отдельным факторам пространственной дезинтеграции (табл. 4). Напомним, что вес фактора определяется соотношением численности населения, проживающего в регионах, подверженных высокому риску дезинтеграции по отдельному фактору, ко всему населению в государстве.

Таким образом, суммарный риск пространственной дезинтеграции Эквадора составляет 1,34. Можно заключить, что эта страна относительно более консолидирована по сравнению с другими латиноамериканскими странами (значение риска пространственной дезинтеграции Венесуэлы составило 2,3, Мексики – 2,23, Чили – 1,85) [12].

Итоговая картина распределения рисков пространственной дезинтеграции для провинций Эквадора выглядит следующим образом (рис. 2).

Экономическая, социальная и политическая география
Скачков В.С., Заяц Д.В.

Таблица 4

Провинции Эквадора, имеющие наибольшие риски пространственной дезинтеграции по отдельным факторам в середине 2010-х гг.
Provinces of Ecuador with the highest risks of spatial disintegration under individual factors in the mid-2010s

Фактор	Провинция	Численность населения (тыс. чел., 2020 г.) [30]	Доля от населения страны, %	Вес фактора
Исторический	Гуаяс, Чимборасо, Асуай, Эсмеральдас, Манаби, Котопахи, Тунгурауа, Боливар, Имбабура	9 764	55	0,55
Социально-экономический	Лидеры: Пичинча, Асуай, Галапагос. Аутсайдеры: Котопахи, Пастаса, Эсмеральдас, Орельяна, Чимборасо, Лос-Риос, Боливар, Санга-Элена, Сукумбиос, Морона-Сантьяго, Самора-Чинчипе	8 155	46	0,46
Внутриполитический	Морона-Сантьяго, Пастаса, Напо, Орельяна, Тунгурауа, Самора-Чинчипе	1 317	7,4	0,07
Этнокультурный	Напо, Морона-Сантьяго, Пастаса, Чимборасо, Орельяна, Имбабура, Боливар, Котопахи, Эсмеральдас	2 948	16,6	0,17
Транспортный	Галапагос	33	0,2	0
Военно-стратегический	Напо, Пастаса, Морона-Сантьяго	444	2,4	0,02
Внешнеполитический	Самора-Чинчипе, Эль-Оро, Карчи, Галапагос	1 056	7,2	0,07
ИТОГО				1,34

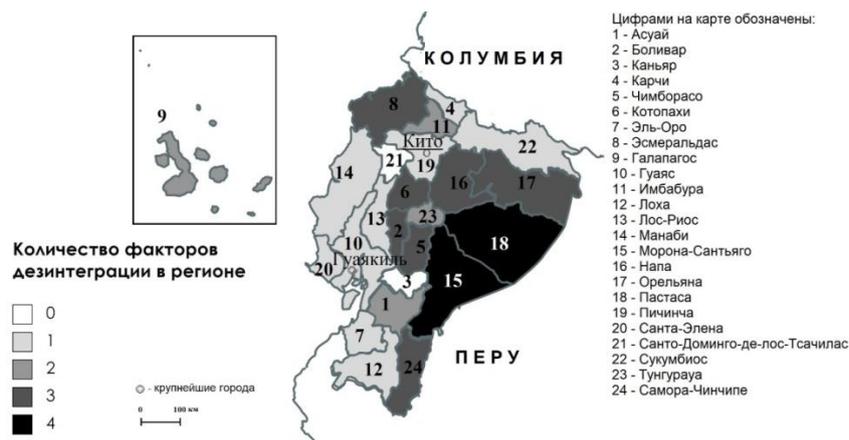

Рис. 2. Число сочетаемых факторов пространственной дезинтеграции в провинциях Эквадора (середина 2010-х гг.)
Fig. 2. The number of combined factors of spatial disintegration in the provinces of Ecuador (mid-2010s)

Обсуждение результатов

Анализируя пространственное распределение рисков дезинтеграции по территории Эквадора, можно выделить две особенности.

1. Возрастание гетерогенности АТЕ по отношению ко всему государству происходит при движении с запада на восток. Провинции субрегиона Коста менее гетерогенны (высокие значения рисков не более чем по двум факторам пространственной дезинтеграции, а в Эсмеральдас – по 3 факторам, но это уравновешивается усиленным военным присутствием, базированием ВМФ).

2. Провинции с большим числом сочетаемых факторов пространственной дезинтеграции, как правило, граничат с такими же провинциями. Получается, что их гетерогенность по отношению со страной в целом сочетается с гомогенностью по отношению к соседним регионам. Таковыми примерами можно считать провинции Пастаса и Морона-Сантьяго с идентичным набором факторов пространственной дезинтеграции с высокими рисками. Оба региона сочетают высокие риски по четырем факторам: социально-экономическому, внутриполитическому, этнокультурному и военно-стратегическому. Еще одну такую группу составляют соседние Чимборасо, Котопахи и Боливар, сочетающие риски по трем факторам (исторический, социально-экономический и этнокультурный).

Экономическая, социальная и политическая география
Скачков В.С., Заяц Д.В.

Заключение

Пространственная дезинтеграция – ослабление, нарушение и разрушение системообразующих связей (транспортных, политических, социально-экономических, военно-стратегических) между регионами единого государства. Под рисками пространственной дезинтеграции авторы понимают потенциальную возможность наступления неблагоприятных последствий таких нарушений и разрушения связей между АТЕ первого порядка. Предлагается методика измерения данных рисков: 1) риска пространственной дезинтеграции для всей страны – как сумма весов отдельных факторов дезинтеграции (вес фактора определяется долей населения, проживающего в регионах, которые имеют высокие риски пространственной дезинтеграции); 2) риски пространственной дезинтеграции для отдельных единиц АД первого порядка, понимаемых как число сочетаемых факторов пространственной дезинтеграции с высокими параметрами рисков. Разные методики подсчета обусловлены различием проявления пространственной дезинтеграции на государственном и региональном уровнях.

Согласно полученным результатам, в Эквадоре риск пространственной дезинтеграции в начале XXI в. ниже, чем в других странах Латинской Америки (1,34 для Эквадора, 1,85 для Чили, 2,23 для Мексики, 2,3 для Венесуэлы и 3,17 для Боливии), а риски по наибольшему числу факторов дезинтеграции сочетают провинции восточного региона Орьенте – Морона-Сантьяго и Пастаса.

Сочетание четырех факторов пространственной дезинтеграции следует трактовать как ощутимую и видимую специфичность данных провинций. Она обуславливается высокой долей нуждающегося населения и более слабой интеграцией в экономическое пространство страны. При этом провинции востока перспективны для нефтедобычи, однако вопрос размещения предприятий добывающего сектора крайне болезненный как для властей, так и для бизнеса, и тем более – для коренных народов, доля которых в структуре населения составляет от трети до половины. В результате получается тревожная картина угасания геополитического поля государства в его крайних восточных регионах.

Список источников

1. Авраменко А.В. Сепаратизм: сущность и проблемы: дис. ... канд. полит. наук. М., 1997. 205 с.
2. Гладкий Ю.Н. Регионоведение: учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2017. 360 с.
3. Грицай О.В., Иоффе Г.А., Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991. 168 с.
4. Заяц Д.В. Территориальные конфликты на современной политической карте мира: очаги и риски сепаратизма: дис. ... канд. геогр. наук. М., 1999. С. 29–57.
5. Колосов В.А. Территориально-политическая организация общества: дисс. ... докт. геогр. наук. М., 1992.
6. Окунев И.Ю. Политическая география: учеб. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2019. 512 с.
7. Плеваков К.В. Гео-идеологическая парадигма (взаимодействие геополитики и идеологии на примере отношений между СССР, США и КНР в континентальной Восточной Азии, 1949–1991 гг.). М.: Российский научный фонд, 1994.
8. Попов Ф.А. География сепаратизма в современном мире М.: Новый Хронограф, 2012. 672 с.
9. Попов Ф.А. Дробление политического пространства мира: основные формы и современные тенденции // Региональные исследования. 2015. № 2(48). С. 64–73.
10. Правительство Эквадора дало разрешение ВВС США совершать посадки на аэродроме Галапагосов. URL: <https://tonews.org/world/wnews/pravitelstvo-ekvadora-dalo-razreshenie-vvs-ssha-sovershat-posadki-na-aerodrome-galapagosov> (дата обращения: 26.05.2022).
11. Пятаков А.Н., Чернышев А.Л. Риски политической нестабильности в странах «социализма XXI века» // Латинская Америка. 2011. № 2. С. 109–117.
12. Скачков В.С., Заяц Д.В. Риски дезинтеграции государственной территории (на примере Мексики, Венесуэлы и Чили) // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2022. № 3. С. 50–61.
13. Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2006.
14. Харламенко А.В. Сепаратизм в Боливии и Эквадоре начала XXI в. // Латинская Америка. 2013. № 12. С. 53–59.
15. 1990: 30 Anos del primer gran levantamiento indigena. Confederación de Nacionalidades Indígenas del Ecuador. URL: <https://conae.org/2020/06/05/1990-30-anos-del-primer-gran-levantamiento-indigena/> (дата обращения: 26.05.2022).
16. Alburquerque Francisco. Las Agencias de desarrollo regional y la promoción del desarrollo local en el Estado español LC/R.1973), Santiago de Chile, Comisión Económica para América Latina y el Caribe (CEPAL), 2000.
17. Border Crossings. Ecuador Explorer. URL: https://www.ecuadorexplorer.com/html/border_crossings.html (дата обращения: 26.05.2022).
18. Camino Mogro, S., Bermudez Barreuzeta, N., & Avilés, P. (2021). Análisis Sectorial: Panorama de la Inversión Empresarial en el Ecuador 2013–2017. X-Pedientes Económicos, № 2, p.79–102.

Экономическая, социальная и политическая география

Скачков В.С., Заяц Д.В.

19. Consejo Nacional Electoral. URL: <https://www.gob.ec/cne> (дата обращения: 26.05.2022).
20. Cronología de la historia Resumida de Ecuador. URL: <https://web.archive.org/web/20050316105659/http://users.erols.com/tinajero/republic.html> (дата обращения: 26.05.2022).
21. El Sistema Nacional de Información. URL: <https://sni.gob.ec/inicio> (дата обращения: 26.05.2022).
22. Falleti T.G. Decentralization and Subnational Politics in Latin America. Cambridge: Cambridge University Press. 2010. doi: 10.1017/CBO9780511777813.
23. Fragile States Index Annual Report 2021. URL: <https://fragilestatesindex.org> (дата обращения: 26.05.2022).
24. Fuerza Aerea Ecuatoriana. URL: <https://www.fae.mil.ec/pagina-principal-01/> (дата обращения: 31.05.2022).
25. Fuerza Armada Ecuatoriana. URL: <http://www.armada.mil.ec> (дата обращения: 26.05.2022).
26. Movimiento de la Unidad Plurinacional Pachakutik. URL: <http://pachakutik.org/> (дата обращения: 26.05.2022).
27. Paddison R. The Fragmented State. The Political Geography of Power. Oxford. 1983.
28. Paredes W. Guayaquil: ciudad, sociedad, cultura, identidad y globalización: ensayo de aproximación. Guayaquil, Archivo Histórico del Guayas. 2006.
29. Partlow, Joshua. Ecuador Giving U.S. Air Base the Boot. Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/09/03/AR2008090303289.html> (дата обращения: 26.05.2022).
30. Proyecciones y estudios demograficos. El Sistema Nacional de Información. URL: <https://sni.gob.ec/inicio> (дата обращения: 26.05.2022).
31. Programa de las Naciones Unidas para el Desarrollo. UNDP. URL: <https://www.undp.org/es> (дата обращения: 26.05.2022).
32. Ramirez Angel. El país cambió desde junio de 1990. El Comercio. URL: <https://www.elcomercio.com/actualidad/politica/pais-cambio-junio-1990.html> (дата обращения: 26.05.2022).
33. Resultados del Censo 2010. Instituto Nacional de Estadística y Censos. URL: <https://www.alainet.org/es/active/49233> (дата обращения: 26.05.2022).
34. Simison E. Descentralización y partidos políticos en América Latina. Ciencia Política. 2015. № 10. P. 243–265.
35. Toral F. El discurso sobre descentralización y autonomía en la ciudad de Guayaquil. Tesis para Doctorado en Ciencia Política, Universidad del Salvador, Buenos Aires. 2017.
36. Valenzuela-Van Treek, Esteban, & Vaca, Claudia (2020). Ciudades contrapeso al centralismo unitarista en Sudamérica: Santa Cruz, Guayaquil y Concepción. Íconos. Revista de Ciencias Sociales, № 68, p. 171–189. doi: 10.17141/iconos.68.2020.4127.

References

1. Avramenko, A.V. (1997), *Separatism: sushchnost' i problemy* [Separatism: essence and problems], Moscow, Russia.
2. Gladkii, Yu.N., Chistobaev, A.I. (2017), *Regionovedenie: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata* [Regional studies: a textbook for academic undergraduate studies.], Yurait Publ., Moscow, Russia.
3. Gritsai, O.V., Ioffe, G.V., Treivish, A.I. (1991), *Tsentr i periferiya v regional'nom razvitii* [Center and periphery in regional development], Nauka Publ., Moscow, Russia.
4. Zayats, D.V. (1999), *Territorial'nye konflikty na sovremennoi politicheskoi karte mira: ochagi i riski separatizma* [Territorial conflicts on the modern political map of the world: pockets and risks of separatism] (In Russian).
5. Kolosov, V.A. (1992), *Territorial'no-politicheskaya organizatsiya obshchestva* [Territorial and political organization of society] (In Russian).
6. Okunev, I.Yu. (2019), *Politicheskaya geografiya: Uchebnoe posobie dlya vuzov* [Political Geography: Textbook for Universities.], Aspekt Press Publ., Moscow, Russia.
7. Pleshakov, K.V. (1994), *Geo-ideologicheskaya paradigma (vzaimodeistvie geopolitiki i ideologii na primere otnoshenii mezhdru SSSR, SShA i KNR v kontinental'noi vostochnoi Azii, 1949–1991)* [Geo-ideological paradigm (interaction of geopolitics and ideology on the example of relations between the USSR, the USA and the PRC in continental East Asia, 1949–1991)], Rossiiskii nauchnyi fond, Moscow, Russia.
8. Popov, F.A. (2012), *Geografiya setsessionizma v sovremennom mire* [The Geography of Secessionism in the Modern World.], Novyi khronograf Publ., Moscow, Russia.
9. Popov, F.A. (2015), *Droblenie politicheskogo prostranstva mira: osnovnye formy i sovremennye tendentsii* [Fragmentation of the political space of the world: main forms and current trends], *Regional'nye issledovaniya*, no. 2, pp. 64–73.
10. Pravitel'stvo Ekvadora dalo razreshenie VVS SShA sovershat' posadki na aerodrome Galapagosov (2019) [The Government of Ecuador gave permission to the US Air Force to land at the Galapagos airfield]. Available at: <https://tonews.org/world/wnews/pravitel'stvo-ekvadora-dalo-razreshenie-vvs-ssha-sovershat-posadki-na-aerodrome-galapagosov> (Accessed 26 May 2022).
11. Pyatakov, A.N., Chernyshev, A.L. (2011), *Riski politicheskoi nestabil'nosti v stranakh "sotsializma XXI veka"* [Risks of political instability in the countries of "socialism of the 21st century"], *Latinskaya Amerika*, no. 2, pp. 22–37.
12. Skachkov, V.S., Zayats, D.V. (2022), *Risks of the state territory disintegration (case studies of Mexico, Venezuela and Chile)*, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya*, no. 3, pp. 50–61.
13. Turovskii, R.F. (2006), *Politicheskaya regionalistika* [Political regional studies], Izdatel'skii dom GU-VShE, Moscow, Russia.
14. Kharlamenko, A.V. (2013), *Separatism v Bolivii i Ekvadore nachala XXI* [Separatism in Bolivia and Ecuador at the beginning of the XXI], *Latinskaya Amerika*, no. 12, pp. 53–59.
15. 1990: 30 Anos del primer gran levantamiento indigena. Confederación de Nacionalidades Indígenas del Ecuador (2020), available at: <https://conae.org/2020/06/05/1990-30-anos-del-primer-gran-levantamiento-indigena/> (Accessed 26 May 2022).
16. Alburquerque, F. (2000), *Las Agencias de desarrollo regional y la promociyn del desarrollo local en el Estado español LC/R.1973*, Santiago de Chile, Comision Economica para America Latina y el Caribe (CEPAL).
17. Border Crossings. Ecuador Explorer, available at: https://www.ecuadorexplorer.com/html/border_crossings.html (Accessed 26 May 2022).
18. Camino Mogro, S., Bermudez Barrezueta, N., Avilés, P. (2021), *Análisis Sectorial: Panorama de la Inversión Empresarial en el Ecuador 2013–2017*, *X-Pedientes Económicos*, no 2, p.79–102.

Экономическая, социальная и политическая география
Скачков В.С., Заяц Д.В.

19. Consejo Nacional Electoral, available at: <https://www.gob.ec/cne> (Accessed 26 May 2022).
20. Cronología de la historia Resumida de Ecuador, available at: <https://web.archive.org/web/20050316105659/http://users.erols.com/tinajero/republic.html> (Accessed 26 May 2022).
21. El Sistema Nacional de Información, available at: <https://sni.gob.ec/inicio> (Accessed 26 May 2022).
22. Falletti, T.G. (2010), *Decentralization and Subnational Politics in Latin America*. Cambridge: Cambridge University Press. doi: 10.1017/CBO9780511777813.
23. Fragile States Index Annual Report 2021, available at: <https://fragilestatesindex.org> (Accessed 26 May 2022).
24. Fuerza Aerea Ecuatoriana, available at: <https://www.fae.mil.ec/pagina-principal-01/> (Accessed 31 May 2022).
25. Fuerza Armada Ecuatoriana, available at: <http://www.armada.mil.ec> (Accessed 26 May 2022).
26. Movimiento de la Unidad Plurinacional Pachakutik, available at: <http://pachakutik.org/> (Accessed 26 May 2022).
27. Paddison, R. (1983), *The Fragmented State. The Political Geography of Power*, Oxford.
28. Paredes, W. (2006), *Guayaquil: ciudad, sociedad, cultura, identidad y globalización: ensayo de aproximación*, Guayaquil, Archivo Histórico del Guayas.
29. Partlow, J. (2008), Ecuador Giving U.S. Air Base the Boot. Washington Post, available at: <https://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/09/03/AR2008090303289.html> (Accessed 26.05.2022).
30. Proyecciones y estudios demograficos. El Sistema Nacional de Información, available at: <https://sni.gob.ec/inicio> (Accessed 26 May 2022).
31. Programa de las Naciones Unidas para el Desarrollo. UNDP, available at: <https://www.undp.org/es> (Accessed 26 May 2022).
32. Ramirez, A. (1990), El país cambió desde junio de 1990. El Comercio, available at: <https://www.elcomercio.com/actualidad/politica/pais-cambio-junio-1990.html> (Accessed 26 May 2022).
33. Resultados del Censo 2010. Instituto Nacional de Estadística y Censos, available at: <https://www.alainet.org/es/active/49233> (Accessed 26 May 2022).
34. Simison, E. (2015), Descentralización y partidos políticos en América Latina. Ciencia Política, no. 10, pp. 243–265.
35. Toral, F. (2017), *El discurso sobre descentralización y autonomía en la ciudad de Guayaquil*, Tesis para Doctorado en Ciencia Política, Universidad del Salvador, Buenos Aires.
36. Valenzuela-Van Treek, Esteban, Vaca, Claudia (2020), Ciudades contrapeso al centralismo unitarista en Sudamérica: Santa Cruz, *Guayaquil y Concepción. Iconos. Revista de Ciencias Sociales*, no. 68, pp. 171–189. doi: 10.17141/iconos.68.2020.4127.

Статья поступила в редакцию: 12.08.2022; одобрена после рецензирования: 29.12.2022; принята к опубликованию: 23.05.2023.

The article was submitted: 12 August 2022; approved after review: 29 December 2022; accepted for publication: 23 May 2023.

Информация об авторах

Information about the authors

Владислав Сергеевич Скачков

аспирант, кафедры географии мирового хозяйства, географический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; 670047, Россия, г. Москва, ул. Ленинские горы, 1

Vladislav S. Skachkov

Postgraduate Student, Department of Geography of World Economy, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University; 1, Leninskie gory st., Moscow, 199911, Russia

e-mail: cccp271994@mail.ru

Дмитрий Викторович Заяц

кандидат географических наук, доцент, научный сотрудник кафедры географии мирового хозяйства, географический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; доцент кафедры экономической и социальной географии имени академика РАО В.П. Максакковского, географический факультет, Московский педагогический государственный университет;

Dmitriy V. Zayats

Candidate of Geographical Sciences, Researcher, Department of Geography of World Economy, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University; Associate Professor, Department of Economic and Social Geography named after Academician of the Russian Academy of Education V.P. Maksakovsky, Faculty of Geography, Moscow State Pedagogical University;

119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д.1, стр.1

1/1, Malaya Pirogovskaya st., Moscow, 119991, Russia

e-mail: ethnogeo@mail.ru

Вклад авторов

Скачков В.С. – идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, Заяц Д.В. – написание статьи, научное редактирование текста.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

Vladislav S. Skachkov – the idea; material collection and processing; writing the article.

Dmitriy V. Zayats – writing the article; scientific editing of the text.

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.